

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVI

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
(География, этнография, история)

Книга 3

Москва
Главная редакция восточной литературы
1989

Е. А. Княжецкая

**НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ
ОБ ЭКСПЕДИЦИИ И. М. ЛИХАРЕВА
(1719—1720)**

В 1714—1719 гг. Петр I направил несколько экспедиций на поиски золота под г. Яркенд. Одной из них была экспедиция гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева.

Полученные Петром сведения о местонахождении этого города, оказались неверными, золото не было найдено. Яркенд искали в Сибири, тогда как он находился и находится в Центральной Азии, в бассейне р. Яркенддарья, притока р. Тарим. Эти реки текут в противоположных направлениях, истоки их разделены горными хребтами.

Ошибочные сведения Петру I сообщил в 1714 г. сибирский губернатор князь Гагарин. Он утверждал, что в Сибири из Амударьи близ Яркенда добывают золотой песок и что путь от Тобольска до этого города займет не более двух с половиной месяцев, а путь к нему лежит от Ямышева озера. Царя серьезно заинтересовала возможность получения золота в своей стране. Длившаяся уже много лет Северная война требовала от государства больших затрат. Как известно, Петр I никогда не был в Сибири, его легко было ввести в заблуждение. Он не усомнился в достоверности сообщений такого значительного лица, как сибирский губернатор. Весной 1714 г. последовал ряд указов об организации экспедиций к Яркенду [21, с. 105, 108]. Города не обнаружили, золота не нашли.

В 1719 г. Гагарин был арестован и отдан под суд за казнокрадство, взятки, злоупотребления властью. Вспомнили и неудачу экспедиций за золотом. На допросах в Сенате Гагарин настаивал на достоверности своих сведений о добыче золота и назвал ряд жителей Тобольска и Яркенда, от которых он получил такие сообщения. Этим людей разыскивали. Совершенно неожиданно их показания полностью опровергли все, что говорил Гагарин. Ему рассказывали, что золотой песок добывают из Яркенддарьи под Яркендом, а про Амударью не слыхали. По их словам, они говорили губернатору, что путь от Тобольска до Яркенда занимает около семи месяцев. Гагарин, сообщив Петру ложные сведения о месте добычи золота, показал ему и об-

разец яркендского золотого песка, который он купил у жителей Тобольска и Яркенда. Это сообщение также было опровергнуто. Губернатору продавали китайское, а не яркендское золото. Следует упомянуть еще об одной попытке Гагарина придать видимость правдоподобия своему обману. В письме амстердамскому бургомистру Витсену, большому другу царя, он сообщил ложные сведения о находке золота у Ямышева озера в Сибири в 1715 г.¹ и прислал золотой образец. Витсен отдал его в пробирную палату, где определили, что по качеству золото похоже на гвинейское. Вероятно, оно было китайским. Очевидно, Гагарин знал о предстоявшем в начале 1716 г. путешествии Петра I по странам Западной Европы и рассчитывал, что при встрече с царем Витсен сообщит ему содержание письма и покажет образчик золота [37, с. 452].

Современники событий обвиняли Гагарина в «мазепином намерении», попытке отторгнуть Сибирь от России и стать ее правителем. Ему нужно было получить для своего замысла оружие и порох, для этого и были задуманы вооруженные экспедиции.

Если вполне очевидно, что Гагарин сознательно вводил в заблуждение Петра ложными сообщениями о золоте в Сибири, то для обвинений его в государственной измене прямых доказательств нет. Причины обмана остаются невыясненными. Возможно, эта тайна истории когда-нибудь будет разгадана [9, с. 57—67, 2 л. карт; 13, с. 14—16].

Петр I, по-видимому, не терял надежды найти в пределах России необходимое для казны золото. После ареста Гагарина он вернулся к намерению разведать путь к Яркенду и узнать, есть ли возможность найти там золотой песок. Руководство новой экспедицией было поручено И. М. Лихареву. Он возглавил находившуюся в Москве «сибирскую канцелярию», которая занималась расследованием различных преступлений, совершенных в Сибири.

По царскому указу от 18 января 1719 г. ему предстояло выполнить ряд важных дел. Прибыв в Тобольск, произвести расследование «о худых поступках» бывшего губернатора. Разыскать в Тобольске людей, сообщивших ему о золоте, и проверить их сообщения, поднявшись вместе с ними вверх по Иртышу. Дойдя до оз. Зайсан, построить там крепость и найти путь от озера к Яркенду, затем разузнать о золоте. О том, как проходила экспедиция Лихарева, было известно из работы историка XVIII в. Г. Ф. Миллера. Сведения о ней он собрал во время путешествия по Сибири в 30-х годах XVIII в., пользуясь документами Тобольской губернской канцелярии, а главным образом словесными показаниями участников событий. Г. Ф. Миллер писал: «На сем моем объявлении можно утвердиться, хотя не все на письменных доказательствах основано» (цит. по [10, с. 74]). Об экспедиции Лихарева упоминается и в более поздних работах, но они только повторяют сведения Миллера. Вот что он сообщал.

Весной 1719 г. Лихарев с отрядом направился к Тобольску, с ним были два геодезиста и капитан. Прибыв в Тобольск, он послал на оз. Зайсан капитана с солдатами. Миллер называл его Урасовым. Войдя в Зайсан, на лодках объехали вокруг озера в поисках места для постройки крепости. Видели устье Черного Иртыша, впадающего в озеро, затем вернулись в Тобольск. Сам Лихарев остался в Тобольске для заготовки провианта и набора солдат. Только весной 1720 г. он вышел в путь с отрядом к оз. Зайсан. Не найдя на его берегах подходящего места для постройки крепости, поднялся вверх по Черному Иртышу. 1 августа 1720 г. на отряд напали местные кочевники — джунгарские калмыки. Бой шел два дня, затем заключили перемирие, но крепость заложить не удалось. На обратном пути в том месте, где Иртыш проходит через Алтайские горы, Лихарев заложил Усть-Каменогорскую крепость, затем вернулся по Иртышу в Тобольск. Поздней осенью выехал в Петербург [12, с. 334; 10, с. 74].

Итак, крепость на озере Лихарев не заложил, путь к Яркенду не разведан, о золоте не узнал. Эти сведения в дальнейшем никем из историков и географов не пересматривались и не дополнялись. Положение изменилось, когда в 1964 г. начались наши поиски архивных документов об экспедиции и обнаружилось новые, важные сведения. Одновременно были вновь пересмотрены печатные материалы, имеющие отношение к этой экспедиции. История долгих и сложных поисков в архивах полностью отражена в литературе. Мы ограничимся сообщением об их результатах [12, с. 333—340; 10, с. 74—77].

Царский указ от 18 января 1719 г. о новой экспедиции к Яркенду написан в ответ на «Пункты», которые днем раньше, 17 января, подал Петру I И. М. Лихарев. В них он указывает нужное ему число солдат, офицеров, обер-офицеров, лекарей, спрашивает, на каких судах подниматься от Тобольска по Иртышу, старых или вновь построенных, куда писать с дороги царю и откуда ждать дальнейших указов.

В пункте пятом сказано: «Понеже там в войске инженера никакого нет... того для прошу, чтоб царское величество указал со мною одного капитана инженера и при нем из Академии одного или двух учеников с инструментами, для подлинного описания тамошних мест» [21, с. 616]. Петр в указе ничего не ответил на этот пункт, хотя на другие ответы были им даны. Ответ Лихарев получил от Правительствующего Сената в указе от 31 января 1719 г.: «...по пятому пункту капитана инженера и учеников географических с инструментами из Академии дву[x] дать» [21, с. 622]. Имена учеников Морской академии, геодезистов — Петр Чичагов и Иван Захаров.

Миллер в своей работе ничего не писал о деятельности геодезистов во время экспедиции. Поиски в архивах обнаружили, что на пути от Семипалатной крепости вверх по Иртышу к оз. Зайсан инженером капитаном и геодезистом были выполне-

ны съемки пройденных местностей. По найденному предписанию Лихарева инженеру капитану Урезову (Миллер называл его Урасов) и геодезисту Чичагову, им следовало, поднимаясь вверх по течению, подробно описать берега Иртыша, измерить ширину и глубину его русла, отметить пороги по его течению, определить, какие суда могут пройти через пороги. Осмотреть устья всех притоков Иртыша, измерить их ширину и глубину. Осмотреть берега оз. Зайсан, узнать, какие реки в него впадают и какие вытекают, найти на берегах Иртыша и Зайсана места для строения крепостей. 16 ноября 1719 г. Лихарев сообщал генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, что посланные им на оз. Зайсан капитан и навигатор² вернулись в Тобольск 15 октября. О том, что ими было сделано, послал в Сенат «подлинное ведение и карту». Отвезти эти материалы в Петербург поручил участнику экспедиции поручику, князю Шаховскому и вернувшемуся навигатору. В архивных документах была найдена копия «ведения», т. е. путевого журнала. На нем надпись: «Ведение, какво подал господин капитан Урезов». Приведем краткие сведения из этого журнала.

Вышли в путь из Семипалатной крепости вверх по Иртышу 24 июля 1719 г. «Шли на греблях, бечевою и парусом». На всем пути делались промеры ширины и глубины притоков Иртыша, а в местах их впадения в Иртыш — ширины и глубины самого Иртыша. От р. Бухтарма до р. Уба на протяжении 90 км Иртыш течет через ущелье в отрогах Алтая. Здесь путь был очень трудным. На веслах идти было нельзя, из-за сильного течения и нагромождения камней «шли завозом, привязывались за камень и за деревья, хватались руками и баграми». На этом отрезке Иртыша видели 36 лесистых островов. Из ущелья вышли 9 августа, пришли к р. Бухтарма, где остановились, чтобы испечь хлеб. 19 августа дошли до оз. Зайсан, 21 августа вошли в него на веслах и парусах. Объехали озеро, измеряя глубины, берега его заросли тростником. 24 августа достигли устья Черного Иртыша, пошли вверх по течению. Встретили кочевье джунгарских калмыков, через переводчика вели мирные переговоры.

На середине Черного Иртыша глубина оказалась 22 фута. 5 сентября повернули вниз по Черному Иртышу в Зайсан, вышли к Иртышу. На обратном пути промеров не делали. Прошли крепости: Убинскую, Семипалатную, Долон-Карайскую, Ямышеву, Железенскую и Омскую. 10 октября пришли в Ишимский острог, отсюда на подводах прибыли в Тобольск 15 октября 1719 г. Путешествие продолжалось около трех месяцев. Предписание Лихарева об исследовании и описании Иртыша и Зайсана было полностью выполнено.

Итак, путевой журнал экспедиции на Зайсан найден. Оставалось выяснить, были ли сделаны инструментальные съемки пройденного пути и существует ли карта этих съемок. Капитан Урезов не упоминал о составлении карты, но из письма Лихаре-

ва Апраксину было известно, что вместе с путевым журналом послана и карта.

В двух «реэстрах» карт (одном — XVIII в., другом — начала XIX в.) имеются упоминания о карте течения Иртыша, присланной из Сибири майором Лихаревым в 1719 г. В «реэстре» XIX в. названо имя составителя карты — геодезист Чичагов. В результате дальнейших поисков в архивах была обнаружена копия карты течения Иртыша и оз. Зайсан, составленная Чичаговым. Копия датирована 1731 г. На ее обороте надпись: «Сей чертеж дан был м. [майору] Угримову, а при возвращении от контайши с прочими паки возвращен». Майор Угримов в 1732 г. был направлен с дипломатическим поручением к джунгарскому князю — хун-тайджи³. Очевидно, в связи с этим для него была снята копия с карты 1719 г. На ней нанесена градусная сетка, все основные населенные пункты очень точно расположены по широте.

Оставалось отыскать подлинную карту 1719 г. Ведь могло быть, что копия точнее подлинника. За время, прошедшее от составления карты Чичаговым до снятия с нее копии, могли быть получены более верные данные, перенесенные на копию. Поиски в архиве были продолжены. Однако карту долго не удавалось найти. Видимо, она затерялась среди архивных документов. Наконец после длительной переписки подлинник карты был найден, и нам прислана его фотокопия. Выяснилось, что составление этой карты следует считать большим достижением географии и картографии петровского времени. Составлена она, несомненно, в результате полевых инструментальных съемок. На ней подробно нанесены географические объекты, правильно указано направление течения Иртыша. В нижней части карты надпись: «Сию карту делал геодезист Петр Чичагов и руку приложил».

Размер карты 52×64 см, выполнена в красках и в туши. Ориентирована на юг. Масштаб 100 верст в дюйме, составлена в прямоугольной цилиндрической проекции. Для проведения астронавигационных наблюдений Чичагов, несомненно, пользовался секстантом и хронометром. Карта ограничена меридианами и параллелями, размеры по долготе 15°30', по широте 11°. Оцифровка градусной сетки дана через 1° по широте и через 1° по долготе, каждый градус разбит на 10-минутные отрезки.

Для определения точности карты была произведена сверка ее содержания (реки, озера, населенные пункты) с картами 1914, 1936 гг. и более поздними, а также со справочными изданиями. За редкими исключениями, все географические объекты на карте Чичагова были обнаружены на более поздних картах, в некоторых случаях с измененными названиями. Очевидно, что обследование пройденной местности было сделано весьма тщательно, географические пункты наносились по наблюдениям и съемкам.

Составленная нами сравнительная табл. I может представить интерес для географов, гидрологов и топонимистов.

**Притоки Иртыша, населенные пункты и озера,
расположенные по его течению**

По карте Петра Чичагова 1719 г.	По данным XIX — начала XX в. и более поздним
<p>р. Кабан (приток Черного Иртыша) оз. Нор Зайсан р. Бекау (левый приток) р. Курчюм (правый приток) р. Нарын (правый приток) р. Бухтурма (правый приток) Уськаменная крепость р. Улба (правый приток) р. Уба (правый приток) Убинская крепость р. Шилба (правый приток)</p> <p>р. Гурбанчар (левый приток) Семипалатная крепость Долонская крепость р. Долонка (левый приток) р. Чиган Амант соленое озеро Ямышево, справа по течению Иртыша</p>	<p>р. Каба оз. Зайсан р. Буконь р. Курчум р. Нарым р. Бухтарма Усть-Каменогорск реки Большая и Малая Ульба р. Уба не существует река без названия и село Новая Шульба р. Чар-Гурбан г. Семипалатинск не существует р. Долонка р. Чаганка соленые озера: Ближне-Ямышевское и Дальне-Ямышевское. В настоящее время переименованы в озера Калатуз и Кара-Аул</p>
<p>Ямышева крепость р. Окуневка (левый приток) р. Железенка (левый приток)</p>	<p>на с. п., Ямышево р. Окуневка название такой реки на карте не найдено</p>
<p>Железенская крепость Омская крепость р. Ом (правый приток) р. Кулачь (левый приток) Чернолуцкая слобода оз. Беква (слева по течению) р. Большая (левый приток)</p>	<p>на с. п. Железинка г. Омск р. Омь протока Кулачинская с. Чернолуцкое на этом месте не обнаружено название реки не обнаружено; есть ст-ца Большерецкая</p>
<p>р. Бызовка (левый приток) р. Тара (правый приток) р. Обросимова (правый приток) р. Барбашина (правый приток) г. Тара р. Уй (правый приток) р. Оша (левый приток) р. Шиш (правый приток) р. Большой Ускус (правый приток) оз. Увек (справа по течению) р. Ишим (левый приток) оз. Супринское (слева по течению) оз. Каратуйское (справа по течению) р. Женжурка (правый приток) оз. Бегишево (справа по течению) р. Вагай (левый приток) г. Табольск</p>	<p>р. Бызовка р. Тара приток без названия приток без названия г. Тара р. Уй р. Оша р. Шиш р. Туй не обнаружено р. Ишим оз. Супринское не обнаружено р. Инжурка оз. Бегишева р. Вагай г. Табольск</p>

Сравнительные данные широт и долгот по карте Чичагова и современным картам

Город	Карта Чичагова 1719 г.		Современные карты	
	широта	долгота	широта	долгота
Тобольск	58°00′	—	58°11′	—
Тара	56°45′	4°30′	56°54′	6°00′
Омск	54°48′	4°40′	54°57′	5°05′
Семипалатинск	50°30′	11°30′	50°27′	12°00′
Усть-Каменогорск	49°40′	13°00′	49°58′	14°25′

Примечание. За условный исходный меридиан принят г. Тобольск

Можно считать, что определения широт на карте Чичагова даны для того времени с большой точностью, отклонения от современных карт колеблются от 3′ до 18′. Известно, что расхождения при определении широт на картах первых геодезистов отклонялись от современных данных на величину от 20′ до 1—2°. Долготы в начале XVIII в. астрономически не определяли, а получали путем простого счисления от условно принятого съемщиком начального меридиана, что давало значительные отклонения. Это отразилось в определении долгот на карте Чичагова [12, с. 335—338] (табл. 2).

Итак, были найдены новые, весьма важные для историков Петровской эпохи, географов, картографов материалы о составлении первой русской карты Западной Сибири, сделанной с поразительной для того времени точностью. Найдена и сама карта⁴. Наблюдения и съёмки были выполнены участниками экспедиции 1719 г. инженером капитаном Андреем Урезовым и геодезистом Петром Чичаговым⁵. Хотя начальник экспедиции И. М. Лихарев сам не участвовал в съёмках, они производились по его почину и под его руководством. В организации съёмочных работ он действовал совершенно самостоятельно.

Лихарев поставил вопрос об описании мест, которые предстояло пройти экспедиции. Больше того, никакой поддержки в своих научных начинаниях со стороны царя он не получил. Петр I не ответил на его просьбу дать экспедиции геодезистов и инструменты, а поручил ответ Сенату. Когда в Петербург были доставлены путевой журнал капитана Урезова и карта течения Иртыша Чичагова, царь не проявил к этим работам внимания и остался крайне недоволен тем, что подчиненные Лихарева выполняли не то, что предписывал царский указ, а то, что им приказал начальник экспедиции. Недовольство и даже гнев Петра I, вызванные действиями Лихарева, явно выражены в письме к нему. Приводим текст этого письма полностью с соблюдением орфографии и пунктуации.

«К Лихареву в 1720 году февраля 26 дня.

Господин Маеор; писма твои ис Tobолска писанные до нас все дошли, в которых согласно пишеш о делах что следовал ты за бывшим губернатором Гагариным в Tobолску, но нам нужнее было чтоб ты ехал сам по данному вам указу к Зайсан озеру, для проведыванья о золоте и для осмотру водяного ходу, и хотя ты посылал туды офицера с навигатором однако они совершенно о том непроведали, и для того по вскрытии льду поезжай туды сам как наискоряе. А к губернатору Сибирскому князю Черкасскому указ от нас дан, чтоб он вас всем снабдил как рекрутами, так амунициею и протчим, дабы ты низачем остоновки не имел». Письмо написано писарским почерком. В левом нижнем углу приписка рукой Петра: «...также не описывайся более но чини по данному тебе указу ибо описки твои в дело не поставят дано указ в котором явно изображено что то делать что мочно» [12, с. 339]. Вполне понятно, что Лихарев навлек на себя гнев Петра I тем, что не выполнил ни одного из предписаний царского указа. В то же время трудно себе представить, как мог царь совершенно не оценить съемочные и картографические работы, выполненные под руководством Лихарева, хотя они и не входили в планы, предписанные Петром I. В его царствование зародилась научная картография в России, развитию которой царь придавал огромное значение. Видимо, в этом случае в сознании Петра I все заслонило стремление во что бы то ни стало найти в пределах своей страны золото, так необходимое для пополнения казны, истощенной Северной войной. **Чтобы закончить тему о поисках золота во времена Петра I, следует сказать, что он пытался найти его не только в своей стране.** В 1718 г. в Бухарию и в Персию с этой же целью был направлен итальянец на русской службе Флорио Беневени. Золото в Амударье он обнаружил в Бадаксане (Бадахшан) и сообщил интересные сведения о способах его добычи. Путешествие было трудным и долгим, вернулся он в Россию после смерти Петра I, осенью 1725 г. (см. [23, с. 64, 76, 104, 142, 150; 15, с. 128—133]). В 1721 г. был издан указ о направлении посланцев «завезть купечество... к китайским городам Селим и Даба, также и к жилищу Далай-Ламы...». Настоящей целью посольства предполагалась не торговля, а поиски месторождений золота. По-видимому, экспедиция в Китай и Тибет не состоялась, никаких сведений о ней нет [22, с. 313].

В 1722 г. в Джунгарию был направлен «капитан от артиллерии» Иван Унковский с дипломатическим поручением к хунтаиджи Цэван Рабтану. В одном из пунктов указа требовалось получить разрешение на добычу золотой руды, что может принести «великое богатство» самому «контайше». Ответ был уклончивым [29, с. 213].

Следует сказать, что Миллер ошибся, указав, что Усть-Каменогорская крепость была основана в 1720 г. Лихаревым. Из архивных документов стало известно, что она ~~заложена~~ ~~годом~~

раньше, осенью 1719 г., по приказанию Лихарева участником экспедиции подполковником Прокофием Ступиним. Напомним, что на карте Чичагова, составленной осенью 1719 г., нанесена «Уськаменная крепость» [10, с. 74—77]. Мы считали, что установление новой даты основания Усть-Каменогорской крепости подводит итог нашим исследованиям деятельности Лихарева как начальника экспедиции к верховьям Иртыша. Однако такое решение оказалось преждевременным.

Во время дальнейших исследований Петровской эпохи выяснилось, что какая-то русская военная экспедиция оказалась причастной к находке в Сибири старинных рукописей на неизвестном языке и археологических предметов. Сопоставление русских и иностранных печатных сообщений с архивным документом позволило установить, что то была экспедиция Лихарева. О находке старинных рукописей при Петре I, как впоследствии выяснилось тибетских, было известно давно. Этому вопросу посвящена большая литература. Писали о них современники находок, писали в XVIII и XIX вв., ряд работ принадлежит современным авторам (см. [44, с. 374—376, табл. V; 48, с. 3, 312—318; 34, с. 108—123; 41, с. 82—86; 38, с. 232—242; 6, с. 626—628; 46, с. 463—468, табл. III—VII; 20, с. 258—270; 2, с. 87—92, 113; 32, с. 198—201; 33, с. 42, 227—230, 331—333, 335—336, 388; 8, с. 67—75; 43, с. 150—151; 35, с. 1; 27, с. 6; 17, с. 5—16; 24, с. 23, 24, 51; 28, с. 241; 14, с. 1206; 5, с. 59—81; 4, с. 149—176]). Рукописи были найдены в Сибири в развалинах буддийского храма-монастыря неподалеку от Усть-Каменогорской крепости⁶. В работе одного из современников событий указано и время этой находки — 1720 г. [48, с. 3, примеч.]. Другой автор конца XVIII в. подтверждает эту дату [2, с. 87].

О постройке буддийского монастыря в верховьях Иртыша стало известно еще в середине XVII в. из статейного списка первого русского посла в Китай — Ф. И. Байкова. В 1655 г. по пути в Пекин он проезжал через владения хана западных монголов-ойратов Аблая из племени хошоутов. Хан кочевал в то время в верховьях Иртыша. Байков сообщал, что Аблай начал строить город на речке Бешка, «которая течет из камня в Иртыш». Мастеров для постройки города хану прислали из «Китайского царства». Город-монастырь стал называться Аблай-хийд⁷, в русском произношении Аблай-кит. На обратном пути из Китая, в 1657 г., Байков увидел вновь построенный город. «А живет тут калмыцкий лама... А поставлены у того ламы две палаты бурханне⁸, великие, кирпич жженой...» [1, с. 125, 142]. Хан Аблай поддерживал регулярные связи с русскими властями, владения его лежали на тогдашних путях из России в Китай. Он оказал гостеприимство и ряд услуг первому официальному русскому послу в Китай — Байкову и поэтому пользовался некоторыми преимуществами по сравнению с другими ойратскими ханами. В 1662 г. посол Аблая получил в Москве в Посольском приказе для хана жалованную грамоту

царя Алексея Михайловича. В 20-х годах XVII в. владетельные князья-ханы Западной Монголии приняли буддизм-ламаизм как официальную религию, отказавшись от шаманизма. В строительстве городов-монастырей принимали участие ламы. Монастырь, построенный из камня или кирпича, становился очагом оседлости. Около него располагалась ставка хана, здесь торговали приезжие купцы, начиналось хлебопашество. Аблай-хийд в 1657 г. был торжественно освящен Зая-пандитой, видным деятелем ламаизма в Западной Монголии. Речка Бешка, на которой Аблай построил город-монастырь, имела разные названия: Бешка, Беска, Себа и последнее — Аблай-китка, закрепившееся за ней после постройки Аблай-хийда. Она брала начало в Аблай-китских, или Себинских, сопках и впадала в Иртыш с левой стороны. Существует она и в наши дни. На современных картах нанесена р. Аблакетка, впадающая в Усть-Каменогорское водохранилище. Резиденция Аблая — Аблай-хийд — существовала недолго. В 1671 г. правитель Джунгарского ханства Галдан, которому подчинялись ойратские князья и ханы, разбил в сражении Аблая. Он бежал на Яик и Волгу и умер в Астрахани [7, с. 11, 128, 182, 210—211, 213; 27, с. 6].

Большое количество тибетских и монгольских рукописей, найденных в разрушенном монастыре во времена Петра I, по-видимому, были привезены ламами. Если давно стало известно, где и когда эти рукописи были найдены, сведений о том, кто их обнаружил в покинутом монастыре, не было, кроме одного упоминания в справочном издании 60-х годов XIX в. Здесь сказано, что рукописи нашли усть-каменогорские охотники [27, с. 6]. Это сообщение вызывает сомнение. В недавно заложенной Усть-Каменогорской крепости мог находиться только воинский гарнизон. Охотниками могли быть окрестные жители монголы-ойраты. Как это будет видно из дальнейшего, им ничего не надо было находить, они давно знали о существовании покинутого монастыря и находившихся в нем рукописях. Для выяснения вопроса, кому принадлежит честь этой драгоценной находки, мы обратились к свидетельствам современников. Очень важным оказалось сообщение пленного шведского офицера Страленберга, прожившего в Сибири 13 лет. Он писал, что в 1720 г. русский военный отряд, вышедший из Тобольска вверх по Иртышу, нашел в заброшенном храме древние письмена.

Существенным было и обнаруженное донесение сибирского губернатора князя Черкасского Петру I, помеченное 1721 г. Он писал, что приезжие офицеры сообщили о находке в степи за Усть-Каменогорской крепостью старых палат и в них рукописей. Шесть листов он послал царю, а палаты велел описать и составить чертеж. По-видимому, губернатор предполагал, что Петр I еще не знает об этих находках. Офицеры, передавшие губернатору рукописи, очевидно, принадлежали к гарнизону Усть-Каменогорской крепости [48, с. 3, 312—318; 28, с. 241].

И заключил наши поиски найденный в архиве, никогда не

публиковавшийся рукописный чертеж, названный в архивной описи «План Аблайкитских палат»⁹ (рис. 1). На нем изображен одноэтажный храм на горе, окруженный стеной, крыша трехъярусная. Масштаб не указан. Размеры 58,5×47. Тушь и акварель. Надписи сделаны скорописью петровского времени. Одна из них, в левом нижнем углу чертежа: «Сие строение обретаеца над невеликою рекою которая именуеца Аблакви, да при Иамышевской дароге к сталице Иръкень. Растоянием 24 часа от города Ускаминей. Такжеде присем показует высоту церкви которая велми дивна».

В 1720 г. вверх по Иртышу в сопровождении солдат и офицеров направился сам Лихарев на поиски Яркенда. Поиски не состоялись, сражение с местными жителями, джунгарскими калмыками, заставило его вернуться. Никакого другого русского военного отряда в тех местах в то время не было. Чертеж явно имеет прямое отношение к этому походу и, вероятно, составлен с натуры либо самим Лихаревым, либо кем-нибудь из офицеров. Надпись на чертеже — своего рода указатель дороги от Ямышева озера к Яркенду (на чертеже «Иръкень»). Указано, что монастырь стоит в 24 часах езды от Усть-Каменогорской крепости, а сама крепость названа городом, уже обжитым местом. Видимо, и чертеж и надпись предназначались тем, кому предстояло бы продолжить поиски Яркенда, так и не найденного Лихаревым. Возвращаясь в 1720 г. вниз по Иртышу в Тобольск, он по ходу своего пути не мог миновать Усть-Каменогорскую крепость. Очевидно, осенью 1720 г., когда отряд сделал привал в новой крепости, был обнаружен покинутый монастырь и в нем старинные рукописи. Все рассмотренные данные дают, по нашему убеждению, основание считать, что находка рукописей является заслугой экспедиции И. М. Лихарева.

Здесь нужно сказать об упущенной Петром I возможности добыть золото в Сибири. Речка, которая в надписи на чертеже названа Аблакви, в русском произношении звучит «Аблайкитка». В справочнике 60-х годов XIX в. [27, с. 6] о ней приведены интересные сведения: «Некоторые ручьи, впадающие в Аблайкитку, например Бердибай с Сербулаком, замечательны своими золотыми россыпями». Если золотоносные ручьи существовали здесь в XIX в., то можно предположить, что они были в этих краях и в XVIII в., но никому из участников русской экспедиции не стало о них известно.

Итак, выяснилось, что сообщение сибирского губернатора Черкасского Петра I в 1721 г. о находке рукописей и составлении чертежа найденных палат запоздало. Чертеж уже был сделан в 1720 г., тогда же нашли рукописи, а сообщение об их находке напечатала в октябре 1721 г., по сведениям, полученным из России, старейшая европейская газета, еженедельно выходившая во Франции с 1631 г. [36; 40, с. 3].

Когда рукописи привезли в Петербург, оказалось, что никто не может их ни прочитать, ни перевести, ни даже определить, на

каком языке они написаны. В феврале 1721 г. библиотекарь Петра I И. Д. Шумахер был направлен в заграничную командировку с научными целями. Весной 1722 г., возвращаясь через Англию и Голландию, он приехал в Лейпциг и привез с собой один из наиболее сохранившихся листов рукописей. Этот лист Шумахер показал известному немецкому ученому, издателю международного научного журнала «Acta eruditorum» И. Б. Менке, который также не смог определить язык рукописи. Тогда же лист был показан другому немецкому ученому — М. Лакрозу. Он состоял членом Берлинского научного общества и был известен как полиглот и широко образованный человек. Но и ему не удалось ни прочитать рукописный лист, ни определить его язык. Менке опубликовал весь этот лист, его лицевую и оборотную стороны, в своем журнале как отпечаток гравюры на меди, сделав его, таким образом, достоянием ученых (лист тибетского ксилографа см. в статье М. И. Воробьевой-Десятовской). Менке привел и сведения о внешнем виде рукописи: ширина ее — $7\frac{3}{4}$, длина — $27\frac{1}{2}$ дюйма. Материал похож на пергамент, на самом деле — плотная льняная лощеная бумага. Буквы серебряные [44, с. 374—376, табл. V]. В июне 1722 г. Шумахер по приказу Петра I направил этот же непрочитанный лист во Францию президенту Академии наук аббату Биньону. В его распоряжении имелись переводчики, знавшие восточные языки. Дело с переводом затянулось. Только 1 февраля 1723 г. Биньон направил письмо Петру I, объясняя задержку ответа трудностями, с которыми встретились переводчики. К письму был приложен латинский перевод рукописи, выполненный братьями Мишелем и Этьеном Фурмон.

Начертания букв присланного листа также не были им известны. После долгих поисков и размышлений они обратились к латино-тибетскому словарю, составленному миссионером Фано, недавно приехавшим из Тибета. При помощи словаря переводчики определили, что рукопись написана на тибетском языке. К сожалению, в словаре не хватало многих слов. Не имея других пособий, они пытались все же разгадать смысл этого текста. Точного перевода дать не могли. То, что удалось им сделать, они считали истолкованием, переложением смысла содержания рукописи (paraphrase) [46, с. 425—426].

В связи с переводом тибетского листа возникла переписка между Россией и Францией, между аббатом Биньоном, с одной стороны, и Шумахером и Блюментростом — с другой. В письме от 19 марта 1723 г. Биньон сообщал Шумахеру, что, хотя и с трудом, удалось разобраться в присланной тибетской рукописи. Перевод уже послан его величеству. Если работа переводчиков будет одобрена, просьба прислать в ответ русские книги для библиотеки короля, с оплатой их стоимости или же в обмен на французские книги¹⁰. В феврале 1724 г. Блюментрост написал Биньону, что Петр I очень доволен точностью перевода и знаниями французских ученых, проявленными ими при толковании

рукописи. Он приказал собрать возможно больше рукописей, чтобы осветить историю страны, в которой они найдены. Новые находки хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей¹¹. Часть рукописей была повреждена временем и изъедена червями.

В письме от 24 сентября 1724 г. Биньон ответил, что безмерно счастлив одобрением его величеством работы переводчиков. Очень огорчен плохим состоянием остальных рукописей. Все же надеется получить хотя несколько листов из драгоценных остатков и сделать новые переводы¹². Как видно, Петр I проявил большой интерес к обнаруженным рукописям и высоко оценил эту находку.

В дальнейшем русским путешественникам удалось вывезти еще некоторое количество рукописей. Это были ученые, побывавшие в Сибири в XVIII в., — И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас. По непонятным причинам никто из них не дошел до Аблай-кита. Осмотр храма и сбор уцелевших рукописей выполнили по их поручениям несведущие люди — солдаты, писари, студенты [38, с. 232; 46, с. 424; 20, с. 258—260; 2, с. 87—88; 33, с. 228—230; 27, с. 6]. Только один из путешественников XVIII в. побывал в самом Аблай-ките в 1735 г. Им был близкий сподвижник Петра I, начальник Олонецких, а затем Уральских металлургических заводов В. И. Геннин. Он осмотрел монастырь и оставшиеся в нем рукописи, обследовал окрестности и сделал интересные открытия. К ним мы еще вернемся [6, с. 626—628].

Находка рукописей в Сибири и перевод одного из листов во Франции заинтересовали русских ученых. В 1730 г. академик Т. З. Байер писал, что пытался разобраться в языке рукописи, но ничего существенного узнать не мог, ему не выпало такой удачи, как братьям Фурмон. Очевидно, имелся в виду словарь Фано, которым пользовались французские переводчики. Первый шаг для ознакомления ученых с тибетской рукописью сделал Менке, опубликовав ее в виде гравюры. Байер, так же как и Менке, не знавший тибетского языка, предпринял второй шаг, напечатав латинский перевод, сделанный братьями Фурмон. Так, выяснилось, что они перевели только лицевую сторону листа, оборотную же не переводили [34, с. 117—123]¹³. Уезжая в 1733 г. в путешествие по Сибири, Миллер взял с собой копию тибетского листа и перевод его, сделанный во Франции. Сомневаясь в его точности (сам он не знал тибетского языка), он хотел показать переведенный текст людям, знающим язык. В 1735 г., находясь на р. Селенге, Миллер посетил ставку монгольского князя Лобзана из племени зонгол, здесь его познакомили с ламой, известным ученым Агван-пхунцхог Дордже. Лама перевел начало текста тибетского листа на монгольский

язык, которого Миллер также не знал. Тот же лама определил, что перевод братьев Фурмон совершенно неправилен.

Когда Миллер вернулся в Петербург, академик Гольдбах рекомендовал ему одного из переводчиков Коллегии иностранных дел — Петра Смирнова, хорошо знавшего монгольский язык. Смирнов пригласил в помощь переводчика-монгола и вдвоем они перевели на русский язык монгольский перевод ламы Дордже. Затем Миллер перевел русский текст на латинский язык и опубликовал его. Переведены всего полторы строки тибетского листа. Что было неправильным в переводе французских переводчиков, Миллер не показал и перевода их не опубликовал [46, с. 427, 463—464, 466—467]. Первой страницей русской тибетологии называют советские исследователи попытку Г. Ф. Миллера сверить перевод тибетской рукописи, выполненный во Франции, и сделать свой перевод. находка тибетских рукописей вызвала большой интерес и у зарубежных ученых, которым тибетский язык и тибетская письменность были очень мало известны. Тибетский лист из буддийского монастыря целое столетие привлекал внимание европейских востоковедов [4, с. 149; 5, с. 64]. Сошлемся на одного из них.

В 1820 г., через 100 лет после находки рукописей, известный французский ученый-востоковед Ж.-П. Абель-Ремюза подробно описал историю перевода рукописи во Франции, но сам перевода ее не сделал. Он резко осудил братьев Фурмон, которые взялись за перевод, не имея никакого представления об языке, с которого переводили. Так как в словаре миссионера Фано многие тибетские слова отсутствовали, переводчики заменяли их другими, похожими по смыслу, в некоторых словах изменяли окончания, другие разделяли или сближали слоги. В результате получилась груда слов без всякой связи, в которой только расстроенное воображение могло предположить какой-то смысл. Тут же Абель-Ремюза выразил удивление тем, что Миллер критиковал перевод, сделанный во Франции, не будучи сам в состоянии произнести хотя бы один слог из текста, о котором он писал [33, с. 331—333, 335—336]. До сих пор исследователи не задавались целью перевести на русский язык текст тибетской рукописи и его латинский перевод, сделанный во Франции, а также проверить точность перевода Миллера. Нам представилось желательным и нужным выяснить все, что было связано с этой рукописью, так долго привлекавшей и привлекающей внимание отечественных и зарубежных ученых. Важно было найти еще и перевод с монгольского на русский язык, сделанный П. Смирновым для Миллера. К сожалению, обнаружить его не удалось. По нашей просьбе учеными-специалистами тибетологом и латинистом были сделаны переводы на русский язык: тибетского текста, латинского перевода братьев Фурмон и латинского перевода Миллера¹⁴. Перевод тибетского листа, его характеристика, изложение содержания и транслитерация выполнены тибетологом М. И. Воробьевой-Десятковской¹⁵. Нам остается сказать,

что хронологические рамки рукописи — XIV—XVII вв., текст — философско-религиозный. Имея теперь квалифицированный перевод тибетского листа, сравним с ним переводы братьев Фурмон и Миллера. Следует сказать, что лама перевел на монгольский язык для Миллера полторы строки тибетского листа. Миллер сделал свой перевод в объеме тех же полутора строк. Для удобства сравнения мы даем примерно в том же объеме перевод братьев Фурмон.

Перевод на русский язык латинского перевода тибетского листа, сделанного во Франции в 1723 г.

«Если удалить смелость, то что ничтожнее коня. Если его глупая жизнь расстроится в соответствии с его духом, который приводил в движение члены, то оказывается одно только гниение. Что же, молится ли он раненный. Это нелепо, как видно всем и также молится ли изувеченная птица. Как только она больна, она не может больше открывать рта. Итак, то, что изучается с разумной душой, зависит от познания той же самой разумной души и тех рассуждений, которые они вызывают. Следовательно, так как конь рассуждать не может, несомненно, всякий, кто тогда задумается над положением рассуждающей души, сейчас же воспримет, каковы условия этого большого или каково различие между конем и готовым умереть человеком».

Перевод на русский язык латинского перевода тибетского листа, сделанного Миллером в 1735 г.

«Посредством твердого сознания я всему повиновался, взвесив. Вначале всякому живущему возникает помощь отсюда. По завершении всего этого, что будет, никому не известно. Ведь вся религия есть объяснение религии. Вельможи же своим пониманием этого не охватывают. Вся религия, очевидно, содержит все объяснение религии. Объяснение бестелесных поистине провозглашено всегда, от тайны это зависит. Всегда все это найти могут».

Теперь можно сказать, что мнение востоковеда Абель-Ремюза подтвердилось. Перевод братьев Фурмон — это набор слов, не имеющий ничего общего с текстом подлинника. Перевод Миллера имеет только отдаленное сходство с подлинным переводом текста, которым мы теперь располагаем. Объясняется это рядом причин. Первая и основная заключается, очевидно, в том, что лама плохо знал тибетский язык. Поэтому в переводе Миллера можно проследить: неправильное чтение отдельных знаков, неточное деление текста на слова, неправильный перевод некоторых слов, буквальный перевод технических терминов (так, например, термин «магическое заклинание» переведен как «тайна», слово «блунпо» — «глупец», «глупый» ошибочно прочтено как слово «блонпо» — «вельможа», «сановник»). Имена собственные бодхисаттв переведены как обычный текст и т. д.¹⁶. Второй причиной мог оказаться трехступенчатый перевод — с

тибетского на монгольский, с монгольского на русский, с русского на латинский. Это вполне могло привести к ошибкам. Есть еще одно объяснение. Г. Ф. Миллер не знал ни тибетского, ни монгольского языков, а по утверждению М. В. Ломоносова, плохо знал и латинский язык [16, с. 24].

Итак, более чем через 260 лет внесена ясность в историю перевода одного из тибетских листов, найденных в разрушенном буддийском монастыре экспедицией И. М. Лихарева. Выполненная специалистами тибетологом и латинистом работа оказалась весьма полезной. Она представляет большой интерес: как установление исторического факта, независимо от философско-мистического содержания текста рукописи; как разрешение двухвековой загадки; как вклад в историю культуры Востока, и буддизма в частности; как вклад в историю отечественного востоковедения, в изучение такой важнейшей эпохи, как петровское время; как одна из вех в истории изучения Востока в Европе. В этой статье ряд вопросов ставится впервые. До сих пор никто из отечественных и зарубежных исследователей не ввел в научный оборот тибетский текст, опубликованный немецким ученым Менке. Никто не пытался перевести его на какой-нибудь европейский язык и проверить перевод тибетского текста братьев Фурмон, ни один исследователь не проверил перевод Миллера. Теперь эти интересные проблемы получили свое разрешение.

В заключение темы о тибетских рукописях следует упомянуть еще одно имя — П. И. Кульвинского, переводчика Посольского приказа с монгольского и тибетского языков в конце XVII и начале XVIII в. По одним упоминаниям в литературе, сведений о его деятельности в области тибетского языка не сохранилось [14, с. 1206; 5, с. 62]. По другим, он знал монгольский и тибетский языки, монгольское и тибетское письмо. Неоднократно ездил послом в Джунгарию к ойратским князьям. Тибетскому языку и письменности научился, очевидно, у образованных лам, живших в ставках ойратских князей. П. И. Кульвинский может считаться лучшим переводчиком с монгольского XVII в. и первым русским знатоком тибетской письменности [7, с. 216—217; 25, с. 140—150]. Умер Кульвинский в 1707 г. Если бы ко времени находки рукописей он был жив, то, вероятно, мог бы определить отношение текста тибетского листа к буддизму. Перевести же в те годы этот текст сколько-нибудь точно было очень трудно, а вероятно, и невозможно.

С находкой рукописей непосредственно связаны и археологические находки вблизи монастыря Аблай-кит, сделанные тем же отрядом экспедиции И. М. Лихарева в 1720 г. Уже упоминавшийся пленный шведский офицер Страленберг писал, что в 1720 г. русский военный отряд, поднявшийся из Тобольска вверх по Иртышу, нашел кроме рукописей много предметов древнего искусства [48, с. 3, примеч.]. В октябре 1721 г. французская газета сообщала, по сведениям, поступившим из Петербурга, что кроме находки библиотеки древних рукописей, кото-

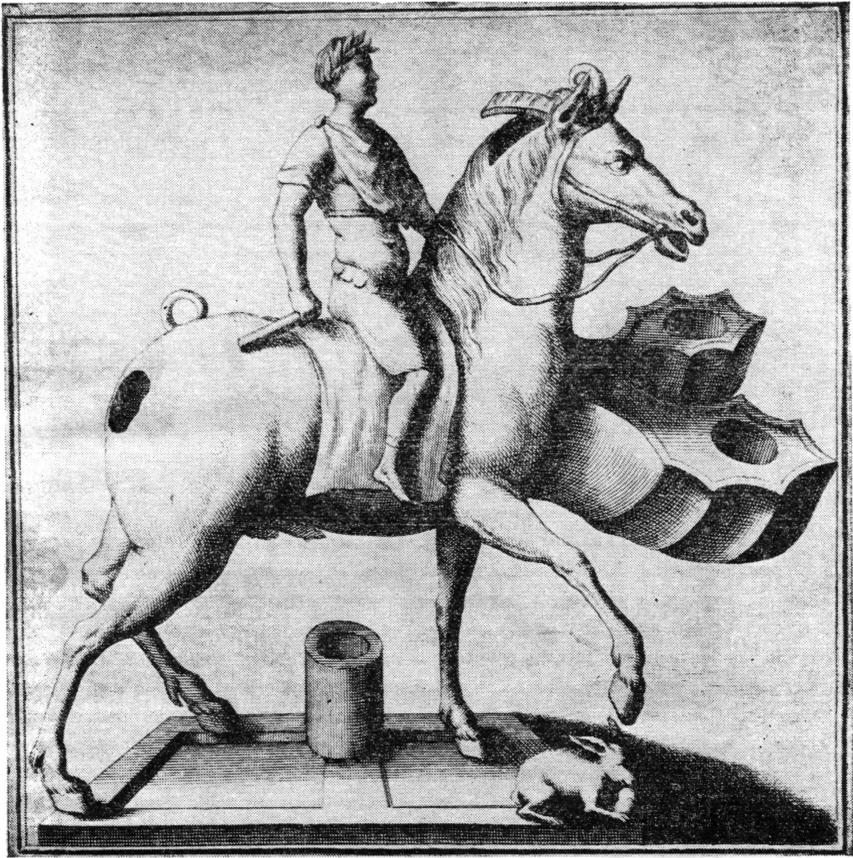

Рис. 2. Статуэтка римского императора.
Светильник IV—V вв.

рую царь считает драгоценным сокровищем, местные крестьяне принесли (в отряд. — Е. К.) несколько бронзовых фигур, которые они нашли на могилах вблизи покинутого монастыря, где находилась библиотека рукописей. Царь поставил эти фигуры в свой кабинет. Среди них выделяется светильник в виде конной статуи римского полководца, увенчанного лавровым венком (рис. 2). Есть и другие конные фигуры, вероятно восточного происхождения, и несколько индийских богинь [36]. По распоряжению Петра I были сделаны рисунки этих фигур и направлены в 1722 г. в Париж, в Академию надписей и изящной словесности [41, с. 4; 42, с. 82; 8, с. 67]. Затем И. Д. Шумахер передал их для изучения известному французскому ученому, бенедиктинскому монаху Бернару Монфокону. Широко образованный человек, он знал кроме многих европейских языков древнееврейский, халдейский, коптский, арабский, оставил много научных

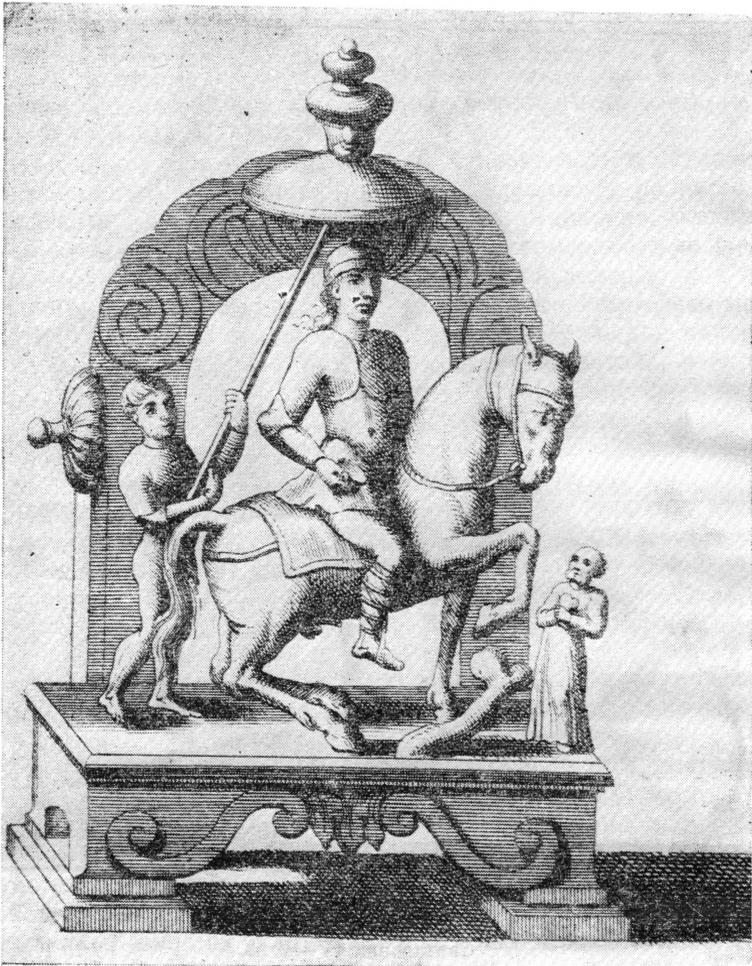

Рис. 3. Предположительно редкая фигура греко-буддийского стиля. V—VI вв. Стиль создан в Индии и Афганистане под влиянием завоеваний Александра Македонского

трудов. Поддерживал связи с русскими учеными, сообщая о научных изданиях, печатавшихся в Париже [11, с. 97]. В 1724 г. Б. Монфокон опубликовал в виде гравюр девять из полученных им из России рисунков, а также издал «Мемуар» И. Д. Шумахера, сопровождавший рисунки [45, с. 152—154].

«Мемуар Шумахера, библиотекаря его царского величества. Калмыки — это татары, находящиеся под покровительством его царского величества. Они живут между Сибирью и Каспийским морем, восточнее Волги. Это там было найдено строение и рукописи, о которых сообщала „Gazette“ от 18 октября 1721 г.

И сейчас там находят в их могилах и в пещерах различные предметы. Одни относятся к религиозному культу, другие являются украшениями, орудиями труда или оружием, а именно топоры, ножи, различные сосуды, урны, погребальные лампы, серьги, кольца, пряжки и фигуры людей и животных из бронзы или серебра различной отделки, как это видно по рисункам, сделанным с оригиналов, найденных в том же самом месте.

Описание Шумахера весьма ценно, так как он делал его с натуры, когда статуэтки доставили в Петербург. «Первые две фигуры изображают цариц или богинь, сидящих на троне в восточных позах (со скрещенными ногами. — *Е. К.*). Сделаны из желтого металла, по-видимому коринфской бронзы, есть повреждения. Третья — человек на коленях, со сжатыми кулаками, в которые вставляются свечи, на снимке кольцо, за которое его подвешивали, материал тот же. Четвертая — бронзовая статуя восточного князя на лошади, на голове диадема. Над его головой ребенок держит зонтик, перед ним стоит священник (рис. 3). Пятая — бронзовая лошадь. Шестая — погребальная лампа, конная статуя всадника с лавровым венком на голове, в римской манере (см. рис. 2). В правой руке обломок копыя или жезла полководца. Эта фигура чрезвычайно примечательна¹⁷. Седьмая изображает гуся с клювом, движущимся на шарнире, язык из проволоки, издающей звуки, есть дефекты. Восьмая — сова, сибирский идол, почитаемый и сейчас. Девятая фигура — китайская, из бронзы». Шумахер подробно описал все девять фигур, рисунки с которых опубликовал Монфокоп.

Затем Б. Монфокоп дал свое описание всех девяти фигур. Оно почти не отличается от описания Шумахера. Фигуру, которую Шумахер назвал совой, Монфокоп нашел похожей на летучую мышь [45, с. 152—154, табл. 69—73]. Публикация Монфокопом рисунков археологических находок представляет большой интерес. Она является единственной. В печати появилось изображение только одной из девяти фигур — римского всадника, но это перепечатка из труда Монфокона [47, с. 531]. Публикация Монфокона ценна и потому, что эти археологические находки больше не существуют. После смерти Петра I, который хранил их в своем кабинете, они были переданы в «Кунсткамеру». В Архиве АН СССР в Ленинграде находятся папки с акварельными рисунками экспонатов «Кунсткамеры». Они выполнены в 1730—1753 гг. ее художниками. Рисунки чрезвычайно ценны тем, что дают представление об экспонатах, погибших во время пожара 1747 г. [31, с. 147—156]. Одна из папок озаглавлена: «Предметы китайской и преимущественно среднеазиатской археологии». На первом листе надпись: «Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере до ее пожара 1747 г. Хранить с особой тщательностью». На листе 247 рисунок третьей из опубликованных Монфокопом фигур, человека на коленях, в свободной одежде, с отверстиями для светильников вместо кистей рук. Подпись: «Рисовал Андрей Поляков, марта 11-го дня 1736 г.».

Рисунок выполнен желтоватой акварелью, изображение дано анфас. На листе 250 рисунок шестой фигуры — светильника в виде римского всадника с лавровым венком на голове и жезлом в руке. По-видимому, статуэтка была серебряной. Художник Франц Беренс выполнил рисунок серой акварелью, даты нет¹⁸. Под обоими рисунками ссылки на публикацию Монфокона и неверное указание на место находок — «Семипалатинск». Только в одной книге приведено это ошибочное сообщение [32, с. 198]. В ней много вымысла, неточностей, ничем не подтвержденных подробностей, доверять ее сообщениям нельзя [19, с. 129].

Перейдем к характеристике археологических находок, сделанной в наши дни советским ученым А. П. Терентьевым-Катанским, историком-востоковедом. *Первая* фигура, по-видимому, древнее изображение неизвестной индийской богини, датировать ее следует началом нашей эры. *Вторая* фигура не вызывает сомнений. Это изображение популярной богини ламаистского пантеона — Зеленой Тары, устоявшийся образ искусства тибето-монгольского буддизма. Дата — около XVII в. Ее изображение, опубликованное Монфоконом, совпадает с другой, более поздней публикацией [39, табл. 116]. *Третья* — светильник в виде человека в позднеримском одеянии или в одеянии дьякона времен Византийской империи. Прическа позднеримская. Могла быть из Рима или из его восточных провинций (Сирия?). Даты — V—VI вв. *Четвертая* (см. рис. 3) — всадник, за ним ребенок с зонтом, перед ним фигура священника. Зонт, обрамление и подставка — явно восточные. В верхней части обрамления предположительно изображение субургана — буддийского реликвария. Под копытом коня стилизованное изображение облака или коралловой ветки. Доспехи и диадема явно стилизованы художником-гравером, но обувь античная. Предположительно редкая фигура греко-буддийского стиля — V—VI вв. Греко-буддийский стиль был создан в Северной Индии и Афганистане, в древней Гандхаре. Позднее этот стиль получил широкое распространение в странах Центральной Азии. *Пятая* — статуэтка всадника. Головной убор и прическа напоминают позднеранские. В поднятой руке, очевидно, было копье. Общее впечатление — иранский катафрактарий (римский термин) — тяжеловооруженный воин. Поздний Иран — V—VI вв. *Шестая* (см. рис. 2) — светильник в виде статуэтки римского императора, в руке императорский жезл — IV—V вв. *Седьмая* (рис. 4) — явно китайская. В руке опухало из волоса, на голове убор высшего чиновника. За спиной, по-видимому, изображение дракона, на животе четки. Отдельно изображен обломок жезла с привязанной к нему тыквенной бутылью, признак даосских святых (даосы — последователи древней китайской религии Лао-дзы). Возможно, это один из восьми «бессмертных» (даосские божества) — VIII—IX вв. *Восьмая* — фигурка гуся. Возможно, остаток музыкального или механического инструмента византийского или ближневосточно-

Рис. 4. Статуэтка китайского происхождения.
По-видимому, изображение даосского святого,
одного из восьми «бессмертных»

го происхождения (Аравия, Сирия), V—VII вв. *Девятая* — фигурка совы или летучей мыши. Колокольчик на груди — принадлежность одежды сибирских шаманов. Форма головы и крылья напоминают изображение летучей мыши в Китае, нижняя часть — изделия алтайских скифов. Вероятно, китайская работа, которая оказалась в Сибири у шаманов. Приблизительно VIII—IX вв.

Итак, хронологические рамки этих археологических находок у стен Аблай-кита — начало нашей эры — XVII в. Как могли предметы, относящиеся к столь разным эпохам, странам и народам, оказаться в могильных холмах Западной Сибири? Дать обстоятельный ответ на такой вопрос в объеме этой статьи не представляется возможным. По-видимому, надо считать, что дошли они в этот отдаленный край по древним караванным путям, многие столетия соединявшим Восток и Запад.

То, что храм-монастырь, служивший резиденцией ойратскому хану, был построен им вблизи древних захоронений, видимо, не было случайным. На буддийском Востоке могилы предков считаются священным местом. Монастыри и храмы часто возводили и возводят возле могильных курганов.

Следует упомянуть еще об одной, более поздней археологической находке у стен Аблай-кита. Ее сделал в 1735 г. уже упоминавшийся ученый, путешественник В. И. Геннин. Он обнаружил захоронение, поразившее его своей необычностью. Останки погребенного лежали «в могиле... на выбитой золотой тонкой доске, а поверху его платья наложено было золотыми тонкими листами, выбитыми толстотою против бумаги, всего золота с пуд». Геннин составил чертеж этого захоронения, но, к сожалению, при печатании рукописи его книги чертежа не оказалось [6, с. 627]¹⁹. Описанный Генниным способ погребения представляет несомненный научный интерес. Он был распространен во многих странах Центральной Азии, в том числе в Восточном Туркестане. Его описывали более поздние путешественники, среди них Н. М. Пржевальский.

Итак, история экспедиции И. М. Лихарева закончена. Продолжалась она два года (1719—1720). На наш взгляд, итоги ее заслуживают весьма высокой оценки. В результате полевых инструментальных съемок была составлена первая русская карта Западной Сибири, с исключительной для того времени точностью. Создание карты было замыслом самого Лихарева, выполненным им совершенно самостоятельно, не только без согласия, но и при явном противодействии Петра I. Путешествие его на оз. Зайсан и Черный Иртыш оценивается в литературе как весьма важное в географическом отношении. Подчеркивается, что после Лихарева на Черный Иртыш русские проникли лишь через полтора века²⁰ [3, с. 54]. Находка тибетских рукописей, которые он спас для истории, также большая его заслуга. Им суждено было сыграть важную роль в развитии как отечественного, так и западноевропейского тибетоведения. Благодаря ему

были сохранены и привезены в Россию и ценнейшие археологические находки.

Здесь интересно заметить, что если Петр I совершенно не оценил создание И. М. Лихаревым карты Западной Сибири, то с находками рукописей и археологических предметов дело обстояло иначе. Как писала французская газета [36], по сведениям, полученным из Петербурга, он считал найденную библиотеку рукописей «драгоценным сокровищем», а древние статуэтки поставил у себя в кабинете, проявив особый интерес к конному изображению римского императора. Первая публикация рисунков этих археологических находок была осуществлена во Франции. В настоящей статье дается первая отечественная публикация наиболее интересных из них ²¹. При написании данной статьи большую помощь автору оказали консультации специалистов различного профиля. Автор выражает глубокую благодарность М. И. Воробьевой-Десятковской, старшему научному сотруднику ЛО Института востоковедения АН СССР, А. И. Доватуре, знатоку древних языков, А. П. Терентьеву-Катанскому, научному сотруднику ЛО Института востоковедения АН СССР, Б. И. Кузнецову, доценту восточного факультета ЛГУ, А. А. Терентьеву, научному сотруднику Музея истории религии и атеизма в Ленинграде.

Можно считать, что результаты работ экспедиции И. М. Лихарева представляют большой интерес для ученых различных специальностей — географов, историков, историков географических знаний, картографов, тибетологов, археологов, искусствоведов Востока, историков культуры, буддологов.

¹ Дату письма установить не удалось; вероятно, 1716 г.

² Так при Петре I называли геодезистов — учеников Морской академии.

³ В русском произношении «контайша».

⁴ Фотокопию карты см. [12, между с. 336 и 337].

⁵ Ни в одном из документов не упоминается имя второго геодезиста — Ивана Захарова. Неизвестно, оставался ли он в Тобольске или все же принял участие в съемках.

⁶ В нескольких работах приведены ошибочные сведения о месте находки: в одном случае Астрахань, в другом — Семипалатинская крепость [41, с. 4; 42, с. 82; 8, с. 67; 32, с. 198—201].

⁷ Х и й д — по-монгольски «монастырь».

⁸ Б у р х а н — по-монгольски «идол», «бог»; по-уйгурски «пророк», «Будда». Очевидно, здесь «бурханские» означает «с идолами», т. е. со статуями будд, ср. [30, с. 249].

⁹ Библиотека Академии наук СССР. Отдел рукописной и редкой книги. Собрание иностранных рукописей. Ф^о. № 266, т. 5, л. 54. «План Аблайкитских палат».

¹⁰ Как видно, аббат Биньон считал перевод вполне приемлемым, если обращался с такой просьбой.

¹¹ Имелось в виду местное население, жившее в окрестностях монастыря.

¹² Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 8, л. 82—83, 162—163; то же, № 2, л. 184—185.

¹³ В литературе встречаются упоминания о том, что французские переводчики кроме латинского перевода сделали еще и французский — для короля Людовика XV и русский — для Петра I. Эти сведения не подтверждаются [41, с. 4—7; 42, с. 82—86; 8, с. 67—75].

¹⁴ Переводы с латинского языка выполнены А. И. Доватуром.

¹⁵ См. ее статью «Лист тибетской рукописи из Аблай-кита» в настоящем сборнике.

¹⁶ Об этом см. в статье М. И. Воробьевой-Десятковской в настоящем сборнике.

¹⁷ О ней упоминается в современной советской литературе [18, с. 41].

¹⁸ Ленинградское отделение Архива АН СССР. Разряд IX, оп. 4, ед. хр. 247, 250.

¹⁹ Потерю чертежа можно объяснить тем, что труд В. И. Геннина был опубликован через 202 года после того, как был написан (1735—1937).

²⁰ По-видимому, имеется в виду путешествие в Джунгарию М. В. Певцова.

²¹ Следует подчеркнуть, что публикация археологических находок приводится здесь не по самим статуэткам, которых уже не существует, а по гравюрам, сделанным во Франции в 1724 г. с рисунков этих находок, выполненных (не позже 1722 г.) по приказанию Петра I. Поэтому вполне возможно, что внешний вид статуэток отличался от их изображений на гравюрах. Вместе с тем следует принять во внимание, что рисунки двух статуэток, выполненные художниками «Кунсткамеры», совпадают с их изображениями, опубликованными в 1724 г. По-видимому, эти рисунки были сделаны с натуры, а не с гравюра, поскольку одна из фигур, а именно «светильник в виде человека в широких одеждах», дана анфас, а на гравюре в профиль.

Литература

1. [Байков Ф. И.]. Путешествие российского посланника Федора Ивановича Байкова в Китай. 1654. Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 4. М., 1788.
2. Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной. Пер. с франц. СПб., 1779.
3. Венюков М. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877.
4. Воробьева-Десятковская М. И., Савицкий Л. С. Тибетоведение.— Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
5. Востриков А. И. С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета.— Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 4. М.—Л., 1935.
6. Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.
7. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
8. Исторический, статистический и географический журнал на 1825 г. Ч. 3. Кн. 1, июль, с. 62—76.
9. Княжецкая Е. А. История одной географической ошибки петровского времени.— Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв. М.—Л., 1965.
10. Княжецкая Е. А. Когда был основан Усть-Каменогорск.— Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1969, т. 101, № 1.
11. Княжецкая Е. А. Научные связи России и Франции при Петре I.— Вопросы истории. М., 1981, № 2.
12. Княжецкая Е. А. Первые русские съемки Западной Сибири.— Известия Всесоюзного географического общества. Л., 1966, т. 98, № 4.
13. Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М., 1964.
14. Котвич В. Л. Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII вв.— Известия Российской Академии наук. VI серия, III. [Пг.], 1919.
15. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.—Л., 1950.
16. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6 (1747—1765). М.—Л., 1952.
17. Майков Л. Современные рассказы и отзывы о Петре Великом.— Русский архив. 1881, т. 1, кн. 1.
18. Неверов О. Я. Памятники античного искусства в России петровского времени.— Культура и искусство петровского времени. Л., 1977.

19. *Павленко Н. И.* Три так называемых завещания Петра I.— Вопросы истории. 1979, № 2.
20. *Паллас П. С.* Путешествия по разным местам Российского государства... Ч. 2. Кн. 2. 1770. СПб., 1786.
21. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. СПб., 1830.
22. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1830.
23. *Попов А. Н.* Сношения России с Хивой и Бухарой. СПб., 1853.
24. *Радлов В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1891.
25. *Рерих Ю. Н., Шастина Н. П.* Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель.— Проблемы востоковедения. 1960, № 4.
26. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1 (1700—1725). М., 1978.
27. *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1863.
28. *Спицын А.* Сибирская коллекция Кунсткамеры.— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1906, т. 8, вып. 1.
29. [*Унковский И.*] Посольство к зюнгарскому хунтайчи Цэван Рэбтану капитана от артиллерии И. Унковского. Путевой журнал за 1722—1724 гг. СПб., 1887.
30. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964.
31. *Шафрановская Т. К.* О сокровищах петровской Кунсткамеры. Советская этнография. 1965, № 2.
32. [*Штелин Я.*] Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1 и 2. Изд. 2-е. [М.], 1800.
33. *Abél-Rémusat J. P.* Recherches sur les langues tartares. Т. 1. P., 1820.
34. *Bayeri T. S.* Museum sinicum. Т. 1. Petropoli, 1730.
35. *Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. SPb., 1846.
36. Gazette. P., 18.10.1721.
37. *Gebhardt J. F.* Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz Witsen. Т. 2. Utrecht, 1882.
38. *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Т. 1. Göttingen, 1751.
39. *Grünwedel A.* Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei. Lpz., 1900.
40. [*Hatin E.*] Bibliographie historique de la presse périodique française. P., 1860.
41. Histoire de l'Academie royale des inscriptions et des belles lettres. Т. 5. P., 1729.
42. Journal des scavans. Amsterdam, 1730, janvier.
43. *Krusenstern A.* Précis du systeme des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. Varsovie, 1837.
44. *Menke J. B.* Nova literaria de ms-ptis codicibus in Tartaria repertis.— Acta eruditorum. Lipsiae, 1722.
45. *Montfaucon B.* Supplément du livre de l'Antiquité expliquée. Т. 5. P., 1724.
46. *Mülleri G. F.* De scriptis tanguticis in Sibiria repertis.— Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae. Т. 10. 1738. Petropoli, 1747.
47. *Reinach S.* Repertoire de la statuaire grecque et romaine. Т. 2. P., 1898.
48. *Strahlenberg P. J.* Das nord und östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.